

которой началась его истинная жизнь в Духе. Свои лучшие произведения Волошин создал здесь, но самым гениальным его творением стал сам Дом Поэта – первый в стране Дом творчества.

В условиях гражданской войны М. А. Волошин нашёл свой способ собирания распадающихся связей бытия. При всеобщей номадности времени, Дом Волошина в Коктебеле стал реальной пристанью для многих. Глобальному разобщению времени Максимилиан Александрович противопоставил собирательство, положив в его основу не идею объединения по какому-либо признаку, по принадлежности к какому-либо кругу или направлению в искусстве, а славянскую идею Соборности – единения всех и со всеми, в основе которой осознание ценности каждого индивида. Любимый ученик Р. Штайнера пошел дальше своего учителя, создававшего Гетеанум лишь для избранных и посвященных.

А. Белый, К. Бальмонт, В. Брюсов, О. Мандельштам, И. Эренбург, М. Цветаева, В. Вересаев, А. Толстой, Н. Гумилев, К. Богаевский, А. Грин, А. Лентулов, К. Чуковский – вот далеко не полный список тех, для кого Дом Поэта становился на некоторое время домом, местом отдыха и плодотворного творческого труда. Под гостеприимной кровлей одновременно собирались очень разные крупные творческие личности, подчас несовместимые в другом жизненном интервале в силу разнонаправленности своих творческих и политических интересов, и всем им одинаково хорошо и уютно жилось и работалось здесь. Н. Гумилев написал в Коктебеле прославленных «Капитанов», а А. Толстой, стоя за конторкой, которую сделал своими руками для него хозяин дома, сочинял «Сорочьи сказки». Здесь впервые прозвучали многие стихотворения М. Цветаевой, работал над пьесой «Яков Богомол» М. Горький и читал коктебельцам «Собачье сердце» и «Роковые яйца» М. Булгаков, а А. Белый – драму «Петербург».

Строил дом М. А. Волошин по собственным чертежам и расчетам, заложив в основу проекта принцип «золотого сечения» – идею античной гуманистической гармонии, основанной на соразмерности человека и мира, тем самым противопоставив антигуманизму времени свою любовь к человеку и веру в него. По большому счету, М. Волошин – истинный «Homo Ludens», способный «превратить» трудную жизнь в легкую и красивую игру, подарив искусству и культуре возможность творческой жизни, а людям кризиса – исполнение мечты, гениально сыграв в культуре начала века роль Теурга, творца не только собственной жизни, но и жизни Культуры. Взятая на себя роль и ответственность позволили М. А. Волошину «сотворить» особый мир в виде гостеприимного Дома на берегу теплого моря, возле мистически красивого Кара-Дага, населить его талантливыми людьми и даровать им возможность радостно творить и самозабвенно играть, погрузившись в мир поэзии, философии, особых ритуалов, добрых розыгрышей с переодеваниями и мистификациями, забыв о суровой реальности. Участие в его игре дарило людям чувства, которых они были лишены в пограничный период: чувство единения, уверенности в себе, радости сотворчества, удачливости.

Дом – это мир человека, мир, в котором на всём лежит отблеск его духа. В душе своей черпает человек силы жить, творить и строить. В кризисной культуре подлинный интерес представляют собой и становятся духовными центрами только цельные и гармоничные творческие личности, способные к созданию собственного миропонимания, к разработке жизнестроительной деятельной философии, личности, способные стать опорой человеческого духу. Величие личности и дела М. А. Волошина в том, что, верно уловив сердцем поэта-философа зов Истины, восприняв идею сбережения и развития культуры в ситуации кризиса, он построил Дом Поэта – место не столько бытийное, сколько культурное и экзистенциальное, смоделировав гармоничный образ мира в пространстве, лишенном гармонии, и подарив людям кризиса возможность жить и творить культуру.

Опыт жизни поколения, прошедшего с честью испытание кризисом, «поколенья рубежа» (А. Белый) конца XIX – начала XX веков, чрезвычайно актуален для нас сегодня, поскольку времена не выбирают, и нам вновь выпало жить «во времена перемен». Таким образом, исследование феномена Дома как формы жизнетворчества личности, выделение и определение его архетипических функций позволит найти ответы на основные вопросы современной философии, изучающей человека в новой постнеклассической ситуации, и станет основанием для практической проективной философии.

**Лимаренко А.С., Оленич Т.С.**

### **СИСТЕМА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ НА РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЧВЕ (В КОНЦЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВЕКА)**

В Рождественском послании Патриарха Московского и всея Руси Алексия II архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской православной Церкви высказаны слова о сотрудничестве Церкви и социальных институтов, представителей иных исповеданий: «Радея о благе каждого человека и всего российского общества, Церковь трудится рука об руку с государственной властью, светским обществом, христианами других исповеданий, людьми иных вер и убеждений» [2]. Эту благородную цель Русская Православная Церковь реализовывала в различные исторические периоды. Нам представляется наиболее интересным взаимоотношение РПЦ и представителей иных вероисповеданий в Донецкой области в конце XIX – начале XX века (на примере Екатеринославской епархии).

Целью публикации является анализ структуры и системы функционирования полимодельной системы межконфессиональных отношений в России. Основное внимание Департамента духовных дел иностранных исповеданий (входившего в разное время в Министерство духовных дел и народного просвещения и в Министерство внутренних дел) уделялось формированию *полимодельной системы* в рамках гармонизации конфессиональных отношений и возможности для *успешного маневрирования* во «имя избежания религиозных

конфликтов». В этом аспекте предпринимался строгий учет количества приходов, лиц (мужского и женского пола), исповедующих православные и неправославные (сектантские) вероисповедания, составлялись нормативно-правовые акты, регулирующие религиозную политику. Так, в Приазовье в результате правительственного «конфирмованного плана» 1779 года и правительственного акта от 19 февраля 1824 года [1, с. 57–58] формируется структура, состоящая из следующих звеньев: православные приходы + немецкие колонии (католики, лютеране) + немецкие лютеранские, еврейские (иудаизм), греческие села (православие) + католики из менонитских колоний + «старообрядческие» села (раскол) + села со смешанным населением (в регионе с доминирующими позициями православных конфессий создавались широкие возможности сосуществования и сотрудничества их с приверженцами лютеранства, иудаизма, католического вероисповедания, менонитов и др.). Основными структурными звеньями данной модели выступали **православные приходы**, за ними следовали немецкие колонии (католики, лютеране). Цифровой материал «Краткого исторического очерка Екатеринославской губернии за 1912 год подтверждает данный вывод: по вероисповеданиям православных и единоверцев – 90,05 %, католиков 1,52 %, лютеран 3,06 %, остальных христианских исповеданий – 0,03 %, иудеев – 4,8 %, магометан – 0,1 %. С этого времени начинается новый этап в истории протестантизма – превращение его в «российское явление». «Происходят какие-то более сложные органические реакции, взаимопроникновения, когда «чужая» культура усваивается по нормам отечественной, а возникающие гибриды обретают жизнеспособность саморазвивающегося организма» [4, с. 191 – 192] (более подробную информацию о данных процессах можно найти на страницах монографии Т.С. Оленич [5]).

Важную роль в функционировании полимодельной системы играли **миссионерское служение и государственная поддержка Православной Церкви**, строгий учет всех верующих каждого прихода, совершенствование форм и методов воздействия на них. «Анализ моделей сельских приходов и приходов смешанного типа, многовековая практика мирного времени сосуществования и сотрудничества приверженцев разных конфессий в Приазовье подтвердила эффективность и мудрость такого подхода» [3, с. 111]. Этот же регион стал местом ссылки как раскольников разнообразных толков, так и представителей рационалистических и рационально-мистических сект. Здесь поселялись иностранные колонисты (немцы, болгары, греки, сербы и т. д.). Доминирующую категорию поселенцев представляло украинское крестьянство, социальная организация которого характеризовалась отсутствием или слабой выраженностью общинных, коллективных форм землевладения, что стало надежным критерием для выяснения этнического состава колонистов. Статистико-экономические таблицы по Екатеринославской губернии (издание Екатеринославского губернского земства, Екатеринослав, 1887) указывают на многонациональность и разнообразную религиозную палитру епархии:

1. немецкие хутора на арендованных землях – 15;
2. русские – 27; посторонние по уезду – 13,7;
3. еврей-колонисты – 23;
4. греки-поселяне – 27;
5. бывшие казаки Азовского войска – 6...

Крапинами разбросаны по губернии поляки, татары, болгары, молдаване и др. Среди культовых сооружений в Екатеринославе, косвенно свидетельствующих о поликонфессиональности, – православных церквей – 19, старообрядческих – 1, домовых церквей – 2, костелов – 1, кирок – 1, мечеть – 1, синагог – 2.

В Приазовье также существовали «секты» (по терминологии Епархии): иоанниты, хлысты, новоизраильяне, адвентисты седьмого дня, евангельские христиане (пашковцы), штундо-баптисты, ольховатские воздержники, «всячески умерщвляющие плоть», тчецы (практикующие коллективное чтение Евангелия), штундисты (миссионеры считали их мнимыми баптистами). Параллельно с численным ростом штундистов усиливались меры, предпринятые РПЦ против распространения секты. В 1894 году Комитет министров ввиду того, что «молитвенные собрания штундистов, внося смуту в жизнь местных приходов, не только способствуют укреплению этих сектантов в их религиозных убеждениях, но и служат самым удобным способом распространения штундистского лжеучения среди православных», положил объявить секту штунд более вредной, ... с воспрещением штундистам общественных молитвенных собраний». К таким же «по вредности воздействия» сектам относились жидовствующие, духоборы, хлысты, скопцы. Положение комитета было «Высочайше утверждено» 4 июля 1894 г., и на этом основании 3 сентября издан циркуляр министра внутренних дел, которым разъяснялось, что «права и льготы, дарованные законом 3 мая 1883 г. раскольникам менее вредных сект, не могут быть применяемы к штундистам, и что всякие общественные молитвенные их собрания отнюдь не должны быть допускаемы на будущее время, под опасением привлечения виновных к строгой судебной ответственности в установленном для сего порядке».

Рост «сект» и усиление их «вредного влияния» екатеринославские священники объясняли «западным влиянием», отсутствием хорошо организованной миссионерской работы, «стадий жизненной усталостью и скептицизмом». В этой связи предлагалось ввести повсеместно организованные миссионерские курсы и кружки, строгий учет инославных и сектантов. Особая роль в этом деле отводилась молодым священникам. Однако не допускались доносы, допросы, так как такие формы служения считались неверными и вредными. Таким образом, строгий учет всех «инославных», система «сдерживания» роста сект, продуманная и организованная миссионерская работа, особенно работа с молодежью, предоставление незначительных льгот сектам и одновременное создание приходов смешанного типа – составные элементы механизма предупреждения конфликтов на религиозной почве. Данная тема была центральной во многих диспутах, предшествовавших принятым важным епархиальным решениям, о чем свидетельствуют материалы Екатеринославских епархиальных ведомостей (издание братства св. Владимира). Данный опыт регулирования религиозной политики представляется

ценным в рассмотрении проблемы гражданского согласия и на современном этапе.

### Источники и литература

1. Александрович И.Э. Краткий обзор Мариупольского уезда // второе издание (репринтное). – Мариуполь, 1897.
2. Донбасс Православный. – №11. – 2005.
3. Дынгес А.А. Римско–католическая Церковь в Приазовье в начале XX века / Летопись Донбасса. – 1994.
4. Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность. – СПб, 1997.
5. Оленич Т. С. Трансформация русского религиозного сектантства. – Ростов н./Д., 2004.

### Михайлов А. Н.

## ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Важным условием духовного развития общества является формирование у его граждан определённого уровня нравственной культуры. Нравственная культура – не только определяющий элемент гармонически развитой личности, но и значительный фактор решения экономических, политических и социальных проблем.

Анализ философской и этической литературы показывает, что основательное исследование проблемы нравственной культуры личности началось с середины 70–х годов прошлого века. В то же время, несмотря на достаточное количество работ, посвященных проблеме нравственной культуры [см. напр. 1, 3, 4, 5], многие вопросы, связанные с механизмом взаимосвязи нравственной культуры с основными компонентами культурного облика личности, в частности с эстетическим, находятся на стадии научной дискуссии или встречаются в литературе лишь в плане постановки проблемы.

Исходя из этого, главной целью статьи является анализ эстетических оснований нравственной культуры личности. Принимая во внимание, что эстетические основания полнее всего проявляются через содержание категории «эстетическая культура», для достижения данной цели в статье автор ставит следующие задачи:

- выяснить общее и особенное в эстетической и нравственной культуре личности;
- исследовать взаимодействие и взаимовлияние этих ведущих компонентов культурного облика личности.

Наряду с политической и религиозной, нравственная культура личности тесно связана с его эстетической культурой. “Уже повседневный опыт показывает, – отмечал Ф. Шиллер, – что с развитым эстетическим вкусом обычно сопряжены ясность ума, восприимчивость чувства, свободомыслие и даже достойное поведение, а с неразвитым вкусом обыкновенно связано противоположное” [7, с. 279]. Развитая эстетическая культура человека оказывает обратное положительное воздействие на все формы его жизнедеятельности: производство, общественную деятельность, сферу быта и досуга.

Анализ взаимосвязи нравственной и эстетической культуры объективно требует выяснения, хотя бы в общих чертах, сущности и содержания последней, учитывая, что содержание нравственной культуры рассмотрено автором в ряде статей [см. 3,4]. Под эстетической культурой следует понимать определённый уровень целостного эстетического развития (сознания и практического поведения), в котором находит своё выражение отношение человека не только к общественному эстетическому идеалу, но и к эстетическим аспектам своей профессиональной деятельности. Основными содержательными элементами эстетической культуры являются: эстетическое сознание (эстетические потребности, эстетические знания, чувства, вкусы, оценки, идеалы) и эстетическая деятельность (эстетические навыки и умения).

Анализ соотношения нравственной и эстетической культуры предполагает определение их общих и специфических черт и особенностей, а также выявление основных видов взаимосвязи между содержательными элементами нравственной и эстетической культуры.

Единство нравственной и эстетической культуры обнаруживается в следующем.

- В том, что они имеют социально-историческую обусловленность и возникают лишь в результате и под воздействием материально-практической деятельности. И хотя они отражают различные стороны и проявления действительности, но имеют общий элемент в своём содержании: это интересы общества, класса, социальной группы.

- Их единство и в том, что они являются «вечными» категориями и наряду с классовым имеют значительное общечеловеческое содержание.

- Их единство проявляется и в общности их целевых, эмоциональных и оценочных свойств. Говоря о целевых установках, можно отметить близость нравственной и эстетической культуры с точки зрения их воспитательной функции, поскольку обе играют огромную роль в формировании духовного облика личности.

- Их единство заключено также во взаимопересечении высокоморального и прекрасного в мыслях, идеалах и поступках людей. Наиболее концентрированно это единство выражается понятием «нравственная красота поведения». «Моральная красота, – отмечал Ф. Шиллер, – есть понятие, которому соответствует нечто в опыте [7, с. 84]. Что же представляет собой нравственная красота поведения? Важную мысль для её понимания высказал Ф. Энгельс в письме к Ф. Лассалю, подчеркнув, что «личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает» [8, с. 492]. Вот это единство «что» и «как» (нравственного и эстетического) в поведении и есть нравственная красота поступка.

Однако известное единство нравственной и эстетической культуры предполагает и некоторые различия между ними.

1. Различие с точки зрения объёма понятий. Эстетическая культура охватывает прямо и непосредственно более широкий круг явлений (природа, техника, творчество, духовные качества людей). Нравственная же культура охватывает непосредственно сферу отношений между людьми.